

Изъ воспоминаній о поѣздкахъ В. Θ. Коммиссаржевской въ Америку и Сибирь.

Въ годовщину преждевременной кончины Вѣры Оедоровны Коммиссаржевской на далекой окраинѣ Россіи мнѣ хочется подѣлиться воспоминаніями о поѣздкахъ въ труппѣ Вѣры Оедоровны по Америкѣ въ 1908 году и Азіатской Россіи въ 1909 году.

Въ январѣ 1908 года, окончивъ гастроль въ Царствѣ Польскомъ, Вѣра Оедоровна направилась съ труппой за границу, чтобы ѣхать оттуда въ Нью-Йоркъ. Труппа была отправлена въ Бременъ, сама же Вѣра Оедоровна съ братомъ, режиссеромъ ея театра, Оедоромъ Оедоровичемъ, уѣхала въ Парижъ и оттуда черезъ Гавръ отбыла на скоромъ пароходѣ „Kaiser Wilhelm“

въ Америку. Въ составѣ труппы находились: Вравичъ, Нарбековъ, Нелидовъ, Вазина, Шоловская, Феона, Грузинскій, Закушнякъ, Марадудина, Туколевская, Н. Орловъ, Марадудинъ и А. Орловъ. Всѣ артисты ѣхали на пароходѣ Norddeutscher Lloyd „Cöln“.

Первою прибыла въ Нью-Йоркъ Вѣра Оедоровна съ братомъ и переводчицей. Погода на морѣ была суровая и Вѣра Оедоровна очень страдала отъ качки, почти не выходя изъ каюты. Когда пароходъ приблизился къ пристани, къ нему вмѣстѣ съ таможеннымъ катеромъ подошелъ другой — съ группой лицъ съ цѣтami, фотографическими аппаратами и пр. Вѣра Оедоровна съ любопытствомъ смотрѣла на эту депутацію. Какое же было ея удивленіе, когда депутація эта направилась къ

ней и представитель союза американской прессы въ теплыхъ словахъ привѣтствовалъ ее, какъ великую русскую артистку, на берегу Америки, передалъ ей букетъ отъ англійской прессы и просилъ позволенія фотографировать для помѣщенія ея портретовъ на страницахъ газетъ. Утомленное переѣздомъ лицо Вѣры Оедоровны прояснилось и своимъ звучнымъ, вибрирующимъ голосомъ она поблагодарила на французскомъ языкѣ депутацію за оказанную ей честь.

Мнѣ много приходилось бесѣдовать о Вѣрѣ Оедоровнѣ съ представителями печати. Американцы, привыкшіе видѣть пріѣзжихъ знаменитостей въ ореолѣ широкоштанетныхъ рекламъ, помпы, умопомрачительной роскоши, были поражены скромнымъ видомъ В. Θ. Первые интервью тоже были оригинальны. Нѣкоторые рецензенты на пароходѣ спрашивали В. Θ.,

привезла ли она съ собой „любимыхъ кошечекъ, собачекъ или другихъ какихъ-нибудь ручныхъ звѣрей или птицъ“.

На это Вѣра Оедоровна, осторожно улыбувшись, отвѣтила: „Къ сожалѣнію, кромѣ спектаклей, я не могу показать вамъ ничего забавнаго“. Другой рецензентъ, услышавъ музыкальный голосъ Вѣры Оедоровны, спросилъ: „она вѣдь и оперная артистка?“

Съ пристани В. Θ. отправилась въ роскошный Palace Hotel, гдѣ ее ждала новая толпа интервьюэровъ, но В. Θ. была слишкомъ утомлена и отложила всѣ интервью до слѣдующаго дня.

Черезъ три дня по пріѣздѣ, состоялся первый спектакль „Нора“ въ роскошномъ Daly Theatrѣ на Broodway, въ самомъ богатомъ кварталѣ Нью-Йорка. Театръ былъ полонъ. А, между тѣмъ, никакихъ рекламъ, столь обычныхъ въ Америкѣ, не было пущено въ ходъ передъ пріѣздомъ Вѣры Оедоровны. Анонсы въ газетахъ, нѣсколько портретовъ, помѣщенныхъ исключительно по инициативѣ самихъ редакцій газетъ — вотъ и все. И, несмотря на это, пресса всѣхъ націй: англійская, французская, нѣмецкая, итальянская и еврейская посвятила игрѣ Вѣры Оедоровны на слѣдующій день по нѣскольку страницъ. Самыя цѣнные статьи о русской драмѣ и объ игрѣ Вѣры Оедоровны писалъ извѣстный въ Америкѣ и Россіи театральнй критикъ и авторъ пьесъ Яковъ Гординъ. Его статьи перепечатывались во всѣ газеты и журналы. Онъ указывалъ на простоту и естественность игры В. Θ., задушевность, музыку голоса, богатство мимики. Успѣхъ спектаклей былъ огромный, аплодисментамъ и вызовамъ Коммиссаржевской не было конца.

Въ Daly's Theatrѣ были сыграны: „Бой бабо-

чекъ", „Нора“, „Родина“, „Строителя Сольнестъ“, „Дикарка“, „Безприданница“ и др.

Пройгравъ 21½ недѣли въ Daly's Theatr'ѣ, Вѣра Федоровна получила отъ извѣстнаго въ Нью-Йоркѣ антрепренера Мянцъ предложеніе переехать въ противоположную часть города Down Town и тѣмъ исполнить желаніе мѣстной русской колоніи, не имѣющей возможности платить высокую цѣну за мѣста въ фешенебельномъ Daly's Theatr'ѣ (цѣны мѣстамъ въ этомъ театрѣ были 8, 4 и 2 доллара). Вѣра Федоровна пошла навстрѣчу этой просьбѣ и согласилась играть въ большомъ театрѣ Talia, гдѣ цѣны общедоступны. Первыми спектаклями шли: „Бой бабочекъ“ утромъ и „Нора“ вечеромъ. Оvationъ, цвѣтамъ не было конца. Затѣмъ сыгранъ былъ рядъ русскихъ пьесъ: „Дѣти солнца“, „Жизнь человѣка“, „Дикарка“, „Безприданница“, „Богъ мести“ и др.

Наибольшимъ успѣхомъ пользовались „Дѣти солнца“. Публика восхищалась игрой В. Ф. въ роли Лизы, хотя она и не любила эту роль, и Бравичемъ въ роли Протасова. Вѣрѣ Федоровнѣ очень хотѣлось сыграть роль „Сестры Беатрисы“ въ Америкѣ. Но наканунѣ спектакля явилось какое-то официальное лицо съ извѣщеніемъ, что Метерлинкъ запродавъ право постановки этой пьесы по всей Америкѣ английской артисткѣ Z. Находчивые адвокаты совѣтовали В. Ф. играть пьесу подъ другимъ названіемъ, но она отвергла это предложеніе.

Послѣ двухнедѣльных спектаклей въ Talia

Theatr'ѣ В. Ф. простудилась и заболѣла и двѣ недѣли не играла. Это нанесло значительный матеріальный ущербъ дѣлу, т. к. спектакли безъ ея участія хотя и продолжались, но не собирали полного зрительнаго зала. По выздоровленіи, Вѣра Федоровна еще играла недѣлю, но, видимо, устала и торопилась отъѣздомъ, хотя публика и антрепренеръ усиленно просили ее остаться играть Пасху.

Всѣ англійскія и иностранныя артистки, бывшія въ это время въ Нью-Йоркѣ, посѣщали наши спектакли; особенно обращала на себя вниманіе молоденькая прелестная рыжеволосая англійская артистка, абонировавшая ложу рядомъ со сценой и буквально засыпавшая В. Ф. цвѣтами каждый вечеръ. Въ Россіи распространилось невѣрное мнѣніе о томъ, что гастроль В. Ф. въ Америкѣ не имѣла успѣха. Это большая ошибка. Художественный успѣхъ былъ громадный, матеріальный же успѣхъ былъ подорванъ болѣзью В. Ф.

Прощальный спектакль В. Ф. былъ полнымъ триумфомъ. Всѣ мѣста въ проходахъ, между ложами и креслами были заняты. Публика входила въ чужія ложи, моля о позволеніи попрощаться съ любимой артисткой. Были депутаціи, адреса, цѣнные подарки, но все это буквально утопало въ морѣ цвѣтовъ. По окончаніи спектакля раздавались рыданія, просьбы остаться. Вѣра Федоровна плакала сама и по выходѣ изъ театра едва могла вырваться

отъ плачущей толпы эмигрантовъ. Автомобиль В. Ф. молодежь убрала цвѣтами. Три дня еще В. Ф. должна была принимать участіе въ обѣдахъ, ужинахъ, устраивавшихся въ честь ея англійскими артистками и представителями разныхъ обществъ Нью-Йорка. Изъ Нью-Йорка В. Ф. уѣхала за границу отдыхать передъ началомъ послѣдняго своего петербургскаго сезона 1908—1909 года.

По окончаніи этого сезона В. Ф. отправилась, совсѣмъ больная, на гастроль въ Сибирь, чтобы поправить матеріальныя дѣла своего театра. Первымъ городомъ назначенъ былъ Иркутскъ, но здѣсь В. Ф. заболѣла и на недѣлю пришлось отложить спектакли. Въ труппѣ участвовали: Бравичъ, Нелидовъ, Феона, Подгорный, Рудинъ, Базина, Зотова, Гордель, Тизенгаузенъ и др. Въ Иркутскѣ пришлось дать всего лишь 5 спектаклей и двинуться далѣе въ Читу и Харбинъ, откуда были получены телеграммы, что билеты на всѣ спектакли проданы. Чита мало интересна въ смыслѣ и публики и сборовъ. Въ Харбинѣ же пришлось сыграть 15 спектаклей, т. к. публика ни за что не хотѣла разстаться съ Вѣрой Федоровной. Восторгамъ сибирской публики не было конца. Репертуаръ В. Ф. въ Сибири состоялъ изъ слѣду-

ющихъ пьесъ: „Родина“, „Вой бабочекъ“, „Безприданница“, „Строитель Сольнесъ“, „У вратъ царства“, „Дѣти солнца“, „Цѣна жизни“ и „Нора“.

Сибирь, главнымъ образомъ, скверныя жилища, губительно сказывалась на здоровьи В. О. и остальныхъ артистовъ; почти всѣ переболѣли, пока не добрались до Владивостока, гдѣ стояла чудная весенняя погода. Вѣру Федоровну занимало это путешествіе; въ Харбинѣ она бродила съ товарищами по базарамъ, покупала китайскія и японскія бездѣлушки, матерія, посѣщала храмы, осматривала жилища китайцевъ и все время была въ прекрасномъ настроеніи. Во Владивостокѣ, гдѣ было сыграно 12 спектаклей, сцена все время напоминала судъ хризантемъ, азалій, камелій; номеръ В. О. весь уставленъ былъ цвѣтами.

Сибирь, полюбившая Вѣру Федоровну, ждала ей новыхъ гастролей на слѣдующій годъ, но, увы, ожиданіямъ этимъ не суждено было исполниться. Въ слѣдующемъ году В. О. не доѣхала до Сибири, посѣтила послѣдній, не выдавший ея, уголокъ Азіатской Россіи и оставила тамъ свою жизнь. Вѣра Федоровна цѣною большихъ лишений дала возможность всей Россіи увидѣть ея чудный талантъ, но заплатила за это дорогой цѣной.

С. Чарторыжская.

Посвящается Вѣрѣ Федоровнѣ Коммиссар- жевской.

Не говори.

Не говори, что смерть скосила—

Ее, какъ слабенькій цвѣтокъ...

Она страдала и любила,

Уснувъ, какъ бѣдный мотылекъ...

Какъ чайка бѣлая—кружила

Она надъ моремъ нашихъ слезъ...

Въ сердцахъ у насъ она царила,

Какъ свѣточъ лучшихъ нашихъ грезъ!..

И оборвался путь исканій—

Души измученной, больной,

Истерзанной однимъ страданьемъ—

Какой-то жизни роковой...

Съ душой довѣрчивой, открытой,—

Съ глубокимъ взглядомъ дивныхъ глазъ—

Она не будетъ позабытой...

Звѣздой зажжется, какъ алмазь...

И съ высоты небесъ далекихъ—

Мы слышимъ голосъ дорогой...

Онъ насъ чаруетъ, одинокихъ...

Мы съ нимъ сливаемся душой!..

Павель Галенковский.

РЕЦЕНЗИИ

„Кривое Зеркало.“

Вчера „Кривое Зеркало“ скривилось до вычайности, до того, что даже сама величественная, увидѣвъ свое отраженіе, не выдержавъ хохотала въ лицѣ этихъ накрахмаленныхъ мотовъ и замороженныхъ, чопорныхъ дамъ.

Дѣйствительно, случилось нѣчто небывалѣйшее въ театральномъ ремьерѣ: изъ 4-хъ номеровъ 3 оказались настоящими шедеврами, достойными содѣйствія съ пресловутой „Вамп“.

И только „Оживающія статуи“ явились новымъ диссонансомъ. Кстати, зачѣмъ испортили красную пародію Измайлова на С. Горюхана всего 3 строчки, но все же вѣдь неудобно! Героемъ вечера былъ безусловно великолѣпный шаржъ В. Гейера „Кинематографъ“.

„Невинная жертва безумной страсти или вая любовь старца“. Каждый выходъ лектора-матюшника г. Антимовова и каждая изъ картинъ покрывались бѣшенными аплодисментами, принявшими къ концу затяжную форму овации, адресу автора и исполнителей.

Арабская сказка „Ночь 1002-я“, хотя кома почти каждому, но ея безпретенциозный юморъ и необыкновенное обиліе даютъ ей неоспоримое право на почетное „репертуарной пьесы“.

Третій партнеръ въ этомъ блестящемъ инсценированномъ разсказѣ Марка Твена „Кипишутъ“,—тонкій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ядовитый сатирикъ на журнальные нравы.

Выпуклыя, рельефныя фигуры стараго и дого редакторовъ дали гг. Лукинъ и Фининъ. Поставленная въ заключеніе „образцовая ретта“ „Восторги любви“ достойно увѣнчала на рѣдкость удачный вечеръ премьеръ.

Н. Бояро

Театръ „Пассажъ“.

Бенефисъ г. Тумашева.

Для своего бенефиса г. Тумашевъ поставилъ „Прекрасную Ризетту“ и дивертисментъ, под званіемъ „Въ гостяхъ у бенефицианта“.

Талантливый артистъ, выступившій въ герцога Томазіуса II, по обыкновенію, имѣлъ